

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПАМЯТЬ В УРБАНОНИМАХ МАГАСА*

Анализируется символическая структура урбанонимов Магаса, столицы Ингушетии, в контексте их взаимосвязи с идентичностью и памятью. Отмечается, что специфика ингушской модели конструирования городской топонимики в столичном центре существенно отличается от других северокавказских столиц и от собственных урбанопро пространств (Назрани, Малгобека, Карабулака, Сунжи). Магас практически свободен от символов досоветского и советского периодов общегосударственного масштаба, непосредственно не связанных с ингушской историей. Автор исходит из того, что Магас как центр концентрации политической и административной элиты одновременно является и демонстративной площадкой репрезентации символического капитала ингушей. Урбанонимы Магаса закрепляют ингушские тексты памяти, обеспечивая символическое присвоение пространства мест в регионе, в котором продолжающаяся символическая борьба по переутверждению права на территорию и историю является составной частью идеологии и политики идентичности местных элит.

Ключевые слова:

идентичность, память, урбанонимы, Магас, символический капитал ингушей, пространство мест памяти Ингушетии, аланская идентичность Магаса, репрезентация пространства мест, символическое присвоение.

Тхакахов В.Х. Идентичность и память в урбанонимах Магаса // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 62–67.

© Тхакахов Валерий Хазраилович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: atalik7@yandex.ru

Урбанонимы – часть символического пространства любого города. Изучая структуру урбанонимов, механизмы их трансформации, можно анализировать процессы конструирования и деконструкции идентичности и памяти применительно к тому или иному региону или городу. Теоретические основания и разнообразие подходов к научному изучению трансформации современных урбанонимов ранее представлены автором в [12]. В настоящем исследовании автор придерживается данных перспектив-социального конструктивизма (Б. Андерсон, П. Бурдьё, Р. Брубейкер), концепции мест памяти П. Нора. Этого нельзя сделать по отношению к пространствам, в которых доминирует традиция наименований и переименований городских объектов вне идеологических рамок: там, где исходным является нумерологический или иной подход, не предполагающий антропологическую персонализацию урбанонимов.

Если иметь в виду города, то в большинстве из них сложилась традиция идеологизировать и очеловечивать (гуманизировать) урбанонимы. Российское городское цивилизационное пространство не является исключением. История городской топонимики – тому подтверждение. Наиболее активный практический интерес к урбанонимам проявился после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года и уже в наше время – после распада советской политической системы.

Предварительно проясним ключевые понятия и задачи исследования. Идентичность – одно из базовых понятий в социальных и гуманитарных науках. Используется и как категория практики и как категория анализа. Отсутствует консенсус и единое понимание по поводу его трактовки. Отсюда плюрализм подходов: эссенциалистские, инструменталистские, конструктивистские; объективистские и субъективистские [2,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-011-00832 «Трансформация урбанопро пространства в столицах Северного Кавказа: топонимический предел идентичности и памяти»).

с. 74–89]. С момента поворота в западной науке от проблем распределительной (экономической) справедливости к вопросам символической (культурной) несправедливости в центр внимания переместились не интересы и нормы, а идентичности и солидарность [4, с. 85–86]. В настоящем исследовании нас интересуют особенности конструирования официальных урбанонимов, их структура и смыслы, которые они выражают в контексте процессов ингушской мемориализации в Магасе. Основной агент топонимических трансформаций – властные структуры Ингушетии (политическая и культурная элиты), которые создают современную модель ингушской идентичности. Последняя предлагается и трактуется в духе некоего коллективного феномена, который выражает сопринадлежность к сообществу – ингушскому народу. Идентичность здесь отражает общие ценности и социальные практики, создающее некое единство и тождество членов сообщества. «Такое тождество предсказуемо проявляется в солидарности, в одинаковых расположенностях и сознании, в коллективном действии [2, с. 76].

Идеология советской идентичности предполагала формирование и распространение во всех городах страны единой матрицы урбанонимов, которые структурно состояли из общенациональных, региональных и местных символов. При этом первая часть морфологической городской топонимики, централизованно навязанная городам, представляла собой некий каркас, который их держал и типизировал. Отсюда их полное урбанистическое сходство, независимо от того, где они располагались и каков был их собственный исторический и культурный капитал. Проспекты и улицы Ленина, например, можно было встретить везде – и в прибалтийских городах, и на Украине, в Белоруссии, в РСФСР, в Закавказье и в Средней Азии. В советский индустриальный период доминировало типовое домостроение, а годонимы и агоронимы также получали типовые, идеологически идентичные названия. Старая часть исторических городов подверглась переименованиям и иным трансформациям, связанным с утверждением новой советской идентичности и памяти с одновременной ориентацией на забвение предыдущих символов.

Остальные две части матрицы советских урбанонимов были в той или иной степени своеобразной калькой общенациональных городских топонимов, но уже на локальной основе. Общий принцип присвоения имен и переименований был аналогичен общесоюзному. В любом крупном или столичном центре можно было найти реальных или

мифологизированных героев революции, установления Советской власти; героев социалистического труда; героев войны, в честь которых городские пространства символически персонализировались. В результате переименований городских топонимов все социально и идеологически чуждые символы подверглись деконструкции и исключению из публичных и частных пространств поселений. Иначе говоря, память для одних, забвение для других.

Новый топонимический передел (а городскую историю можно рассматривать как некую череду переделов) обозначился в постсоветский период, когда общий идеологический каркас урбанонимов перестали контролировать централизованно и конструирование городской символики отдали на откуп регионам и городам.

Одним из ключевых институциональных поворотов в данной сфере явилось принятие в 1997 году Федерального закона «О наименованиях географических объектов». В дальнейшем в документ были внесены поправки и дополнения – в 2008, 2012, 2015 гг. Закон устанавливал разграничение полномочий по порядку присвоения, переименования географических объектов в РФ между федеральным центром и субъектами страны. Внутреннюю топонимику в городах Ф/З не определял и не регулировал (ст.3. п.2) [14]. «Действие настоящего Федерального закона не распространяется на деятельность в области установления, нормализации, употребления, регистрации, учета, сохранения наименования... объектов, расположенных в городах и других поселениях» (п.2) [14].

В редакции 2008 года (№ 191-ФЗ) в статью 3 пункт 2 был снят. Теперь с федеральным центром следует согласовывать названия городов, а внутренние урбанонимы – прерогатива муниципалитетов. В реальности, однако, существует определенное взаимодействие и ветвей и уровней власти в топонимической сфере по поводу принятия и утверждения урбанонимов в обоих случаях.

После распада Советского Союза Чечено-Ингушская АССР прекратила существование, и элиты двух народов выбрали отдельные модели и пути дальнейшего развития. Образование двух самостоятельных субъектов федерации – результат и политических трансформаций и несомпадающей постсоветской истории чеченцев и ингушей. Сходство было в одном: родственные в этническом и религиозном отношении регионы вступили на путь формирования государственной и общественной жизни, устройства территорий в городах и поселениях, изобретая новую символику пространства, которая стала отражением их

идентичности и памяти. Ингушская модель конструирования идентичности и памяти в рамках городского пространства отличается от аналогичного процесса в Грозном. Во-первых, если говорить об истоках, то в Чечне вынуждены были возродить столицу республики, пострадавшую в результате известных военных событий практически с нуля, но в рамках памяти об историческом Грозном. И делать это с сохранением названия города, хотя были неоднократные попытки дать ему другие имена. Однако это была не просто реставрация, как это было во многих послевоенных обществах, а восстановление городского пространства на новой основе с одновременным и поэтапным топонимическим переделом.

Ингушетия – единственный субъект федерации, который получил возможность создать в постсоветский период собственный столичный центр. В республике есть и другие города – Назрань, Малгобек, Карабулак, Сунжа, которые появились значительно раньше Магаса. Их урбанонимы отражают в основном идентичность и память советского периода и состоят из двух символических частей: а) советского общегосударственного наследия (1917–1991); б) местного ингушского наследия. Например, в Назрани до сих пор можно встретить улицы Блюхера, Большевицкую, Дзержинского, Д. Бедного, Заслонова, Калинина, Красную, Красноармейскую, Краснознаменную, Коммунистическую, Куйбышева, Ленина, Лазо, 19 Партсъезда, Матросова, Пролетарскую, Революционную, Чапаева, Энгельса и т.д. [9]. В Малгобеке также немало урбанонимов советской эпохи: улицы, названные в честь XX и XVII партсъездов; 50 лет комсомола и 50 лет Октября; 65 лет Победы; Ворошилова, Гикало; Заветы Ильича, Лазо и др. [10]. Сходная ситуация и в Сунже и Карабулаке.

Магас же свободен от символов советского периода. Увековечена лишь память о представителях советской элиты – политической и культурной, которые внесли непосредственный вклад в ингушскую историю (Н.С. Хрущев и А. Приставкин). Первый инициировал процесс десталинизации, возврат ингушей из ссылки на историческую родину и последующую реабилитацию. Второй, в художественной форме («Ночевала тучка золотая») описал трагедию вайнахов периода депортации.

Идеология ингушской идентичности и памяти применительно к городскому пространству Магаса ориентируется на проект, соединяющий три периода этнической истории народа: имперский, советский и постсоветский. В каждом из них символический капитал ингушей – это наиболее ценные и

признаваемые достижения и культурно-историческое наследие в военной, гражданской и религиозной областях жизни. География их становления и локализации, за исключением третьего периода, к столице не имеет прямого отношения, т.к. капитализация ингушской идентичности происходила и за пределами Северного Кавказа и внутри региона (во Владикавказе, в Грозном). Однако как только был основан столичный центр ингушского народа, централизация символического капитала, воплощенная в урбанонимах, сконструировала новую карту города как карту памяти и идентичности. Язык потребления капитала – культурная иерархия средств передачи памяти: русский, английский, ингушский. Именно в таком порядке репрезентируются общественные пространства Магаса – городские вывески, названия улиц, площадей, скверов.

Историческая память в Ингушетии воплощается не только в годонимах и агоронимах, но и в новых останках общественного транспорта, которые имеют собственные названия, отражающие значимые символы ингушского самосознания: «Алания», «Нарт», «Дзурдзуки» [18]. В большинстве городов России останки общественного транспорта – это «пустые» места, не обустроенные и не идентифицированные символами памяти. Магас – столичный центр, демонстрационная площадка, на которой апробируются и закрепляются ингушские тексты памяти даже в такой непривычной для традиционного урбанизма форме.

В результате материализации проекта единой истории ингушей появился Мемориал памяти и славы (1996–2012 гг.). Мемориал включает восемь значимых «мест памяти»:

1. Мемориал «Девять башен» (соответствующее числу депортированных народов в период сталинизма);
2. Колоннады 36 × 36 – пантеон с именами ингушей, прославившихся в имперский, советский и современный периоды ингушской истории;
3. Экспонат поэда времен депортации ингушей в 1944 году;
4. Памятник ингушскому конному полку «Дикой дивизии»;
5. Памятник последнему защитнику Брестской крепости (У.А. Барнахоеву);
6. Барельеф «Вхождение Ингушетии в состав России»;
7. Барельеф «Ингушетия»;
8. Мемориальную плиту Героев (в честь уроженцев Ингушетии, получивших звание Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда, Героев России) [5].

Данный символический объект, ставший уже культурным фактом ингушской

идентичности, является примером репрезентации пространства. Конструкт памяти, задуманный элитой и воплощенный архитекторами, дизайнерами, историками.

Корпус ингушских урбанонимов, как и во многих российских городах, представляет собой идеологическую эклектику, существование взаимоисключающих символов, отражающих этническую историю народа – реальную и воображаемую. Магас здесь стоит особняком. У него нет собственной досоветской и советской истории. Нет и идеологических обязательств и традиций рутинизации пространства. У ингушской элиты, которая собственно и задумала и опекает идеологию и политику идентичности применительно к столичному центру, есть институциональная и символическая власть конструировать структуру урбанонимов, включать их в коммеморативные практики, которые закрепляют и воспроизводят солидарную связь поколений. Причем с течением времени данная деятельность, несмотря на то, что наступает конец «эпохи очевидцев» [1, с. 9], не угасает, а расширяется, приобретая все новые формы.

Отметим, что Магас находится в символическом поле конструирования и закрепления в городском пространстве не только ингушской, но и аланской идентичности. Последняя отражает активизировавшуюся в постсоветский период борьбу за удревнение истории, поиск значимых корней и сопринадлежности. Многие элиты Северного Кавказа с различной степенью интенсивности занимаются историческим мифотворчеством, изобретением традиций, «коренизацией» прошлого [16]. Вся эта деятельность с функциональной точки зрения используется для современных целей и задач. Одна из них – это достижение власти и права на занимаемое пространство и на пространство – мечту.

Пространство – мечта – это память о былом территориальном величии и протяженности, расположенности; это нарративы, воспоминания, архивы, подтвержденные и неподтвержденные утверждения о том, кто где жил когда-то, кого здесь не было; это утопические проекты ретровосстановления исконной территории в былых границах. На Кавказе данный феномен имеет достаточно широкое распространение в рамках представлений интеллектуалов, участвующих в мифотворчестве, а также в искаженном сознании человека с улицы [17, с. 224] (понятие, которое использует А. Шютц в качестве одного из идеальных типов наряду с понятиями «эксперт» и «хорошо информированный гражданин», демонстрирующих механизм социального распределения знаний).

В условиях Северного Кавказа, когда пространство периодически трансформируется и происходит это на глазах нескольких поколений, когда его различные части переходят от одного народа к другому, от группы к группе, от индивида к государству, элиты вынуждены участвовать в символической борьбе по переутверждению права на территорию в целом и определенные места, в частности. Политика идентичности и памяти – один из ответов на процесс передела или его угрозы. Символическое присвоение пространства мест, особенно в условиях их дефицита – практическая стратегия идеологии идентичности региональных элит. Архивы, карты, научные публикации, демонстрация силы – все вовлечено в борьбу за пространство. Рост интереса к проблемам идентичности – это двухсторонний процесс, «сверху» и «снизу».

В постсоветский период все разновидности идентичности – семейная, родственно-клановая, сословная, классовая этническая, региональная, религиозная – стали или возрождаться или изобретаться заново. Интерес к семейным и родовым генеалогиям и их составлению проявился даже у тех социальных групп, у которых их никогда не было. Люди стали вспоминать своих предков, составлять «списки» официальной и практической родни [3, с. 325–326]. «Нет семьи, в которой какой-нибудь из ее членов не был с недавних пор увлечен стремлением как можно полнее реконструировать скрытые обстоятельства происхождения его семьи» [6, с. 33]. Констатация факта роста генеалогических изысканий во Франции, о котором писал П. Нора, можно без натяжек экстраполировать и на постсоветский Северный Кавказ, где данная деятельность получила достаточно широкое распространение.

Социальная и культурная травмы ингушей, которые закреплены в идентичности и памяти, вызваны, конечно, трагическими событиями и последствиями, связанными с репрессиями, выселениями сталинского периода и относительно недавними конфликтами начала девяностых.

Символическое насилие сталинского периода превращало общесоюзные праздничные даты (23 февраля и 8 марта) в определенных пространствах в даты смерти и скорби. Так произошло на территориях всех депортированных народов, которые вынуждены были находиться в двусмысленном положении и до начала времени реабилитации, и весь послевоенный советский период. До сих пор эти две даты разделяют социальное время памяти в стране: для одних это радостные события, для других – трагические. Наряду с мемориалами памяти о депорта-

ции в ингушских городах появились улицы 23 февраля 1944 года в Назрани и 8 Марта в Сунже. Власти Ингушетии активно вовлекают общественность в обсуждение проектов по мемориализации трагических событий в истории народа. Регулярно в годовщину депортации на территории Мемориала памяти и славы в Назрани и других населенных пунктах проводятся скорбные митинги.

На Северном Кавказе есть несколько народов современная идентичность которых опирается и воспроизводится вокруг памяти о трагедиях прошлого. Это те части их истории, которые не подлежат забвению. Они различными способами и мерой встроены в пространство и время памяти. В советский период уже после десталинизации и реабилитации память о депортации и репрессиях по-прежнему локализовалась в частном пространстве репрессированных народов (в семье, среди друзей, сверстников, диссидентов), среди тех, кто обладал капиталом доверия. В публичном же пространстве, по крайней мере, до начала перестройки и десоветизации господствовала политика забвения, табу на легитимацию травмы и мемориализацию соответствующих урбанонимов. В дальнейшем «периферийная» память вытеснила забвение из публичного пространства и произошел процесс обобществления травмы, включение ее как части в новую идентичность на региональном уровне. На федеральном уровне дело обстоит сложнее, особенно в культурном измерении проблемы.

Показательна содержательная структура городских топонимов столичного центра Ингушетии. Из 24 именных урбанонимов Магаса 14 названы в честь известных ученых и представителей творческих профессий региона, России и Северного Кавказа. Государственные и общественные деятели республики, страны и ближнего зарубежья мемориализованы в пяти урбанонимах. Аналогичная ситуация с милитарными топонимами. В последнем случае четыре наименования улиц (Б. Гагиева, И. Мальсагова, З. Борова, Э. Нальгиева) посвящены памяти ингушским военным дореволюционного периода, а одно – современного (А. Хакиева). Не до конца понятен и прозрачен критерий отбора пантеона именно данных военных деятелей периода Российской империи. В ингушской истории можно насчитать не один десяток и не менее выдающихся, чем уже выбранные. Хотя общий критерий отбора для наименований и переименований в Ингушетии, по крайней мере, с официально-институциональной точки зрения властями определен: по вкладу персон в историко-культурное развитие Ингушской республики.

Это, в частности, закреплено в различных Положениях о порядке присвоения наименований улиц, площадей и иных топонимических названий, принятых властями [7; 8]. На сегодняшний день урбанонимы Магаса, отражающие идеологию идентичности и памяти Ингушетии включают персоны и даты, которые имеют значимость:

- а) международную (евразийскую) – 1;
- б) федеральную – 4;
- в) региональную (северокавказскую) – 3;
- г) локальную (республиканскую) – 17.

Ингушская политика идентичности в городах, за исключением Магаса, по-прежнему придерживается традиции внутрикавказской символической солидарности и обмена урбанонимами. В Назрани, Малгобеке, Карабулаке, Сунже можно встретить улицы с кавказскими этнонимическими названиями: Адыгейская, Азербайджанская, Балкарская, Вайнахская, Грузинская, Дагестанская, Кабардинская, Кавказская, Карачаевская, Черкесская, Чеченская. Таким образом, структурно урбанонимы состоят из общенациональных (в т.ч. бывших советских), региональных (кавказских) и локальных (ингушских) символов. Аналогичная ситуация как ранее уже указывалось [12], правда в различной пропорции и в других северокавказских городах. Магас оказался вне данной практики символических обменов, вероятно, и в силу своей молодости и в силу малых размеров и соответственно – недостаточного количества городских объектов, которых можно было бы присвоить «солидаристские» урбанонимы. Возможно, по мере роста и расширения столицы данный вакуум будет восполнен.

Одна из опасностей мемориализации городского пространства – превращение его в музей памяти, который гармонично не встроен в повседневную жизнь горожан и в различные процессы социализации (школа, вуз, армия, социальные движения, социальные сети и т.п.). Осознание данной опасности заставляет элиты и правящий класс управлять и контролировать коммеморативные практики. Традиционная стратегия – возглавлять и участвовать в них. Иные стратегии – индифферентное отношение и создание препятствий. Первой стратегии придерживаются власти Чечни, Ингушетии, Северной Осетии – Алании (особенно в период А. Галазова), второй – правящий класс Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Дагестана.

На современном Северном Кавказе общество, которое разделено по различным основаниям, ответственный правящий класс и, особенно, его лидеры пытаются проводить политику единой истории и па-

мяти народа для интеграции и мобилизации индивидов и социальных групп.

В данной статье представлена часть исследований по проблеме. Однако ряд выводов уже можно сформулировать:

1. Магас – единственный столичный центр в СКФО, который практически свободен от урбанонимов досоветского и советского периодов общегосударственного масштаба, непосредственно не связанных с ингушской историей. Вклад в историко-культурное развитие Ингушетии – главный официальный критерий отбора урбанонимов.

2. Магас – демонстративная площадка репрезентации символического капитала ингушей, воплощенных в том числе и в топонимах. Последние закрепляют ингушские тексты памяти, обеспечивая символическое присвоение пространства мест в регионе.

3. Ингушская идентичность, закрепленная в урбанонимах Магаса включает милитарные, политические и культурные светские топонимы. Последние доминируют и в структуре и в общем количестве урбанонимов.

4. Магас – первый столичный центр на Северном Кавказе, который прервал традицию обмена этническими и региональными урбанонимами между аналогичными центрами. Другие города Ингушетии (Назрань, Малгобек, Карабулак) до сих пор поддерживают практику символических обменов городскими топонимами. В Магасе доминируют локальные (ингушские) символы памяти, выступающие, на наш взгляд, важными «кирпичиками» формирования и воспроизводства единой ингушской нации, этнической идентичности и солидарности.

Список литературы:

- [1] Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: НЛО, 2016. – 232 с.
- [2] Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- [3] Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
- [4] Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. – М.: ИНИОН РАН; 2013. – 421 с.
- [5] Мемориал памяти и славы (Назрань). – Интернет-ресурс. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Мемориал_памяти_и_славы_\(Назрань\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мемориал_памяти_и_славы_(Назрань))
- [6] Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Пер. с фр. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
- [7] Об утверждении Положения о порядке переименования и присвоения новых наименований улицам и площадям, присвоение адресов, нумерации домов, подъездов и размещении домовых знаков в муниципальном образовании «Городской округ город Карабулак». Горсовет Муниципального образования «Городской округ город Карабулак» Республики Ингушетия, решение от 30 июня 2010 года № 1714–1 (Изменение: Решение Горсовета г. Карабулак от 15.04.2011 г. №5/1–1 НГР: RU 060001092 01100019). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/459806267>
- [8] Об утверждении Положения «О порядке присвоения наименований улиц, площадей и иных топонимических названий на территории муниципального образования «Городской округ город Назрань». Городской совет муниципального образования «Городской округ город Назрань» республики Ингушетия, Решение от 24 февраля 2010 года № 7/43–1 (Изменение: Решение городского совета г. Назрань от 11.10.2012 г. № 12/45–2 НГР: RU 06000409201200016). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru>
- [9] Список всех улиц Карабулака. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://mapdata.ru/ingyshetiya/Karabulak/ulisy/stranica->
- [10] Список улиц города Малгобек. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://city-address.ru/region-6-malgobek/all-streets>
- [11] Список всех улиц Назрани. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://mapdata.ru/ingushetiya/nazran/ulicy/>
- [12] Тхакахов В.Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. – 2017, № 5. – С. 17–25.
- [13] Улицы Магаса. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.bankgorodov.ru/place/magas/streets>
- [14] Федеральный закон «О наименованиях географических объектов». Принят Государственной Думой 17 октября 1997 года. Одобрен Советом Федерации 3 декабря 1997 года № 152-ФЗ (в редакции Федеральных законов от 23.07.2008 г. № 160-ФЗ; от 27.10.2008 г., № 191-ФЗ; от 10.07.2012 г. № 99-ФЗ; от 30.12.2015 г. № 431-ФЗ). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.pravo.gor.ru/proxy/ips/?docbody=End=102050595QrdkzQbacklink=1>
- [15] Что мы знаем о видных деятелях, имена которых носят улицы, аллеи и скверы Магаса? – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.magas.boezformata.ru/listnews/deyatelyah-imena-kotorih-nosyat/55147160/> (24.06.2018)
- [16] Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: НЛО, 2006. – 696 с.
- [17] Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
- [18] 10 любопытных фактов о Магасе, 15 апреля 2016 г. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://etokavkaz.ru/gorod/10-lyubopytnykh-faktov-o-magase>.